

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

X ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН
(автоаннотации и краткие сообщения)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1974

saṃyá 'поспешно'.

Важность? ср. кирг. sabūla- 'спешить в возбуждении'.

saṃ: sat= 'подниматься', 'идти вверх'. Основы перф.,
киф. səl= , sa= (перф. sələtək , aətək , киф. sələk , ələk).

Др.-ир. saṃ(a)=: sata= , ср. согд. saṃ:st= (яги. saṃ: :
sāta= 'подниматься' - ЯТ 318), хот. saṃ= , sata= 'подниматься'
(Bailey, PZ 355), перф. saṃ= (Ghilain 55,92), инк. saṃ:sad=
'подниматься', пугн., руш., хуф. sṃp=:sṃpt= , барт. sṃp=:sṃpt
'поднимать' (< *sāpaṃa= , ср. яги. saṃp=:sāṃta= 'поднимать',
согд. saṃp= < *sāpaṃa-ЯТ 320; Gersch. GMS § 543), язг. sṃp=:
sūd/t= 'восходить (о небесных светилах)', 'расти (о растениях)',
sāp=:sapt 'вырастить' (< *sāpaṃa=), пэвпн.:sṃvūd= 'под-
ниматься низко (о небесных светилах)' (< *ni=sap=), мдж.
saṃ=: saṃbu= 'подниматься', осет. sṃwopun 'толкать' (*ham-
saṃ= МЭСОЯ I 189).

IIFL II 540; H.W. Bailey BSOS IX 77; Gersch.Mithra 254.

И.И.Цукерман

ХОРАСАНСКИЙ КУРМАНДЖИ. ИССЛЕДОВАНИЕ И ТЕКСТЫ. (Автоаннотация)

Аннотируемая работа (22 авт.л.) ставит своей целью дальнейшее исследование хорасанского курманджи, т.е. говора курдов Хорасана (Иран) и Советской Туркмении, относящегося к северному наречию курдского языка. Изучение этого диалекта начато еще в середине прошлого столетия нашим соотечественником - известным ориенталистом М.Н.Березиным и продолжено в весьма ценных исследованиях В.А.Иванова, В.С.Соколовой и Ч.Х.Бакаева¹⁾.

Подготовленная к печати книга состоит из введения (с.1-5), исследовательской части (с.6-325), текстов, собранных автором (пословицы, народные трехстишия, повествования, с. 326-418), и избранных текстов из школьных учебников Г.Г.Пехлеви (G.G.Pehlewi), изданных в первой половине тридцатых годов в Ашхабаде (с. 419-525).

Исследование основано на материалах языка курдов Туркменской ССР по его состоянию в тридцатых годах, когда во всех курдских семьях языком домашнего обихода был главным образом курдский. Правда, и тогда взрослое курдское население — недавние выходцы из Хорасана — было двуязычным и даже многоязычным. Курды=мужчины обычно знали персидский, и едва ли не все говорили на одном из тюркских диалектов. Некоторые из них неплохо объяснялись и по=русски. Разумеется, все это накладывало отпечаток и на их родной язык.

Автор изучал на месте язык туркменских курдов в течение трех месяцев осенью 1936 г. Тогда же были зафиксированы прилагаемые тексты. Пословицы и трехстишия записаны у разных лиц, повествования — только у жителя Фирюзы (близ Ашхабада), замечательного сказителя Азиза Ходжамамедова (Eziz). В целом наши тексты со стороны языка в существенных чертах мало отличаются от текстов Ч.Х.Бакаева, но они несомненно в меньшей степени нормализованы.

В исследовании в полной мере учтены не только наши записи, но и тексты Ч.Х.Бакаева. Однако главным объектом изучения был курдский язык вышеупомянутых учебных пособий. Г.Г.Пехлеви принадлежит первая и — насколько нам известно — единственная попытка фиксации носителем хорасанского курманджи своей речи средствами специально приспособленного для этого фонемного алфавита в масштабе по крайней мере шести книжек разнообразного содержания — при полном отсутствии хоть сколько=нибудь отстоявшихся норм письма и орфографии. Бесспорно талантливый человек, Г.Г.Пехлеви отразил свою речь с исключительной непосредственностью, и неудивительно, что его тексты отличаются самой разнообразной вариантностью. Это в равной мере относится ко всем сторонам языка — фонетике, грамматике, лексике, как и способов отражения в письме звуков, морфем, слов и словосочетаний.

Однако для целей лингвистического анализа именно непредвзятость, неустоявшиеся нормы и вариантность представляют особую ценность. Это соответствует разделяемой автором и развитой им в ранее опубликованных статьях²⁾ основной методологической установке, согласно которой язык как развивающаяся, точнее — саморазвивающаяся, система не может быть понят и описан без учета вариантности некоторого числа составляющих его единиц разных уровней. Доречиты языковых единиц, обнаруживаемые в синхроническом срезе языковой системы любой подробности (в к л ю ч е я р е ч ь

отдельного человека - идиолект) соотносятся не только синхронически, но и диахронически, как архетипы с неотипами. Языковая система не может изменяться, минуя вариантность, так как любому переходу от архетипа к неотипу обязательно предшествует период сосуществования архетипа с неотипом (или с конкурирующими неотипами). Таков механизм изменчивости языка, и, следовательно, совокупность варьирующих единиц составляет **диахронический лимит** языковой системы, позволяя судить о действующих процессах в языке и о возможных направлениях его структурных изменений.

Такого рода подход к языковой системе и ее деталям пронизывает всю работу автора, все ее разделы без исключения, но, может быть, ярче всего учет динамических процессов функционирующего языка выявлен в разделе фонетики (в частности, в описании обнаруженных процессов конвергенции и дивергенции некоторых фонем), в парадигмах склонения имен существительных, в анализе глагольных основ и окончаний и др. Читателя, как нам представляется, должны заинтересовать в особенности морфологические процессы перерасположения, установленные для синхронических функционирующих форм некоторых глаголов хорасанского курманджи (не только системы в целом, но и идиолектов Г.Г.Пехлеви, Азииза и информантов Ч.Х.Бакаева). Ср. de+ketm /> de+k+em /> de+k+im 'делаю', с возникновением согласной основы em в составе неотипа на месте основы с гласным исходом основы etm в составе архетипа. (Сочетание знаков /> означает 'чередуется с неотипом').

Из сказанного логически вытекает и следующий вывод: при анализе варьирующих деталей общего языка недопустимо беспорядочное сопоставление данных разных идиосистем, при котором вполне возможно ошибочное построение, например, парадигмы спряжения - с привлечением, скажем, одного из конкурирующих неотипов для первого лица, другого - для второго лица и архетипа для третьего лица. Целесообразно в основу анализа положить одну - наиболее полно и адекватно представленную - идиосистему, при том, конечно, условии, что ее детали регулярно сравниваются с данными других систем, тем более, что идиолекты нередко представляют разные ступени в соотношении архетипа с неотипом (неотипами). Так, в текстах Г.Г.Пехлеви неотип dekim явно превалирует, хотя

вполне возможен и архетип *dekem*. Напротив, в речи Азиза еще преобладает форма *dekem*, и лишь окказионально возникает вариант *dekim*. В записях же Ч.Х.Бакаева (возможно, вследствие нормализации текста) форма *dekem* встречается крайне редко, тогда как строго соотносительная с ней форма *deke* 'делает' является (как и во всех других источниках) единственно возможной.

В аннотируемой книге отправным для исследования является идиолект Г.Г.Пехлеви, с которым систематически сравниваются не только идиолект Азиза, но и полностью ученые тексты Ч.Х.Бакаева.

В заключение следует отметить, что в подготовленной к печати работе приводятся только новые сведения, касающиеся фонетики и грамматики хорасанского курманджи. Факты — главным образом, из других говоров, — которые так или иначе отмечены в предшествующих исследованиях, привлекаются только в тех случаях, когда это необходимо для выявления общих свойств системы. Это относится ко всей работе в целом и каждой ее части в отдельности, но, может быть, в аннотации целесообразно выделить:

в разделе фонетики — процесс сближения переднего гласного *e* с передне-смешанным *i*, протекающий коррелятивно далеко продвинувшемуся процессу конвергенции заднего *o* с задне-смешанным *u*; вопрос о соотношении фонем *q* — *x*; явление геминации согласных *h*, в частности, подключение к процессу геминации общекурдского противоположения *h* — *h̄*;

в разделе морфологии — наблюдения над сочетаниями имен существительных с указательными местоимениями *wa* 'этот', *ew* 'той'; освещение вопроса о конкурирующих моделях косвенного падежа единственного числа имени без артикля, о генерализации окончания множественного числа *-an*, об употреблении показателей множественного числа с неисчисляемыми именами существительными; значительную часть работы, посвященную классификации глагольных основ, вариантам префикса длительности, глагольным окончаниям и препозитивной форме глагола; выделение формы настоящего сильного *dekevine* в отличие от формы настояще-будущего времени *dekevin*; обоснование соответствия формы прошедшего длительного *deketim* форме будущего II *wê biketama* в других говорах курманджи.

Новым является также описание посессивного предложения в хорасанском курманджи.

Все наблюдения и выводы подкреплены строго паспортизованными примерами.

Ниже приводятся образцы прилагаемых к исследованию текстов.

Из пословиц: Le kerê niştin eyweke , je kerê daketin du eywîn 'Сесть на осла - опозориться, слезть с осла - вдвойне опозориться'. Kwedê ki fax we keran dana , zikê gan dedirandin 'Если б бог дал ослам рога, они быкам животы распороди бы'. Bîcañ ki je zêr wî , gerî adem le xwe êxîni ! 'Если нож золотой, то разве надо его в себя всадить!'.
Из трехстиший:

Wa şewana şerey şevîn,
Yar we tenê radekevin,
Xew le ç'avê me nakevîn.

Как хороши эти ночи,
Влюбленные спят врозь,
Сон не смыкает наших глаз.

Hewa sare, hewa sare,
Le ber dêrî bûme dare,
Ruqset bide, bême male.

На дворе холодно, холодно,
Я закоченел у твоих дверей,
Позволь мне войти в дом.

Ez ki terem, tu demfî,
Le sar u germê delerzîfî,
Herdem yarê we bir tîfî.

Я уйду, а ты останешься,
Ты будешь дрожать в жару и в
ХОЛОД,
Постоянно вспоминая нашу любовь

Xewa min tê, radekevin,
We hemfî yarê kevin,
Min bikujîn, vernakevin

Хочется спать, лягу спать,
Лягу в объятия возлюбленной.
Убейте меня, не уйду!

Из повествований Азиза:

Wî lawika go: "Ez nika nareme hewşana". Bavê go: "Tu zanî, narî, ez terem". Wa vegerîya, hate mal. Dê go: "Hesen, çima hatî?" Go: "Ez kar nakem". Go: "Tu sa çî kar nakî?" Wîya go: "Qîzê padişê hûn sa min hilgîrîn, ez hînga kar kem". Dê go: "Em nikanê hilgîrîne, padişa qîzê xwe nade me". Hesen go: "Tu ki nakay hilgîrî, ez jî serî xwe hiltêynim, terem". Dê'girîya, go: "Tu bisekin, pes ez carê herem, minê padişa çî dewêjê".

Оноша говорит: "Я теперь не пойду за дровами". Отец сказал: "Как знаешь, не пойдешь, один пойду". Парень вернулся домой, а мать ему говорит: "Хасан, ты чего вернулся?" - "Не буду работать". - "Почему не будешь работать?" Тот сказал: "Добудьте для меня дочь царя, тогда я буду работать". Мать сказала: "Мы ее не можем получить, царь не отдаст нам свою дочь". Хасан сказал:

"Не можешь достать, возьму да совсем уйду". Мать заплакала:
"Подожди, схожу уж, посмотрим, что царь скажет".

Из текстов Г.Г.Пехлеви:

Şefalek mirişkek dizî wû revvî. Xadiyê mirişkê dekirre ç'iri: "Way, mirişkê min 10 girwanke goştî xe hewû!..." Ew tenêk we dû şefalê bezzî, nagîşte wî, vegeyîya.

Şefal le çolê we rêvviyekva rû we rû wû. Wan we hevra hal =ehwal k'ir, p'aşê şefal we rêvviyêra got: "Bro, to temaşeyî in-saf we tohmetê xelk'ê k'e. Mirişk'ê ki 2 girwanke zêdetir goştî xe tonne, dewin ki 10 girwanke goştî xe heye!"

Rêvviyê temaşeyî mirişk'ê k'ir û got" : Ka mirişk'ê le herdê doyn, ta ez wî wezn k'im". Şefalê mirişk'ê le herdê danî. Rêvviyê mirişkê hîlanî. - "Birangê min, ba şûnê 10 girwankan le ser min 20 girwankan hesaw k'in!" - wîyan got we rêvvi, çû.

Шакал украл курицу и побегал. Хозяин курицы завопил: "Вэй, в моей курице десять фунтов мяса было! Вэй, моя курица весила десять фунтов!.." Он некоторое время бежал за шакалом, но не догнав его и вернулся.

В поле шакал встретил лису. Они поздоровались, и после этого шакал говорит лисе: "Сестричка, ты только посмотри на людей, какие они клеветники. О курице, которая едва потянет два фунта, они говорят, что она десять фунтов весит".

Лиса взглянула на курицу. - "Ну-ка, положи, я посмотрю, сколько она весит". Шакал положил курицу на землю. Лиса подняла ее. - "Братец мой дорогой, да пусть они отнесут на мой счет не десять, а хоть двадцать фунтов!" Сказала - и была такова.

1) E.Berésine, Recherches sur les dialectes musulmans. II.

Recherches sur les dialectes persans, Casan, 1853; W.Ivanow, Notes on Khorasani Kurdish, - "Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal", 1927 (New Series), vol. XXIII, N 1, pp. 167-236; В.С.Соколова, Очерки по фонетике иранских языков. I. М.-Л., 1953, с. 78-103; Ч.Х.Бакаев, Говор курдов Туркмении. М., 1962.

2) См.: Вариантность как диахронический лимит языковой системы, - "Палестинский сборник", 1969, вып.19(82), с.56-68; Вариантность в языке и тексте. - "Краткое изложение докладов У годичной научной сессии ЛО ИВ АН", 1969, с.158-160; Глагольные

окончания в хорасанском курманджи. Диахроническая направленность вариантов, - "Палестинский сборник", 1970, вып. 21(84), с.114-120.

Э.А.ДСУПОВА

ФУНКЦИИ ЧАСТИЦ EWA И WA В ЮЖНОМ НАРЕЧИИ КУРДСКОГО ЯЗЫКА

Частицы *ewa* и *wa* в южнокурдском наречии характеризуются следующими употреблениями¹):

1. Выступают в функции указательных частиц со значением "вот", "вон":

(1) *bawîm ewa eme kuîme w emeş birame* 'отец мой, вот это мой сын, а это мой брат'; (2) *xot biçe , ewa lew koîanen* 'иди-ка сям, вон они на той улице'; (3) *wa em jinane êsta be ni-nyan wut* 'вот эти женщины только что сообщили мне...'; (4) *wan le koîana yarî eken* 'вот они играют на улице'.²)

2. С глаголом в форме настояще-будущего времени подчеркивают:

а) значение настоящего наблюдаемого действия (или состояния), часто вводимого предваряющим глаголом "видит": (5) *kiçke biçkoîeke gurc faereîê w îd ekate nizgewteke, ke egate ewê ebînê ewa her-dî xîşkekey le xoyan eden u egrîn* 'младшая дочь поспешно встает и направляется к мечети, придя туда, она видит: обе сестры ее плачут, убиваются'; (6) *kit-u riî seuryan kird ewa kuîe lew lawe berew awayî xo ekutê* 'вдруг видят они: вноша оттуда идет в сторону деревни'; 7) *îojêk eçê bo lay genmekey seurt eka wa le nizk genmekey ewewe şwanêk xerîke bilwêr lêda* 'однажды идет он к (скотой) пшенице и видит: возле пшеницы сидит какой-то пастух и играет на свирели'.

В указанном значении частицы *ewa* и *wa* могут употребляться и с предикативной связкой настоящего времени: (8) *ke eçîwe ewê , wa helpeîkêye* 'когда он пришел туда, (видит) - танцы'; (9) *zor efoîştin , le jêr gelakulekeyekî pana westan , temaşayan kird wa baîndekeykî wurdîle xerîkî teîê guay barîke* 'долго шли они, остановились под листвой белой акации, видят: какая-то птичка плетет веревку из травы'.